

Б.А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕЛИГИЙ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА, ЖЕТЫСУ И СМЕЖНЫХ РЕГИОНОВ ТУРКЕСТАНА*

Историко-географическое положение региона Жетысу и Южного Казахстана интересно тем, что эти земли на длительном историческом промежутке являлись северной областью крупного региона – Туркестан или Туран. Региона, в значительной степени единого, в культурном отношении одной из двух культурно-исторических областей Центральной Азии (Среднего Востока) – Ирана и Турана. К историко-географическому региону Туркестан относится основная часть бывшей Средней Азии с Южным Казахстаном, Индийский Туркестан – получивший в историографии интересное название Сериндия и Восточный Туркестан (Синьцзян)¹. Именно в Жетысу в конце XIX в. были найдены христианские памятники, которые пробудили значительный интерес к историческому прошлому региона, а главное к изучению истории религий. Наряду с надписью на мраморной стеле из городища Си-ани (Сианьфу)*, найденной еще в первой половине XVII в. они послужили свидетельством наличия христианского следа в истории Центральной и Восточной Азии. Китайская находка, правда, первоначально вызвала дискуссии о ее подлинности, служившей доказательством значительного распространения христианства в центральном, западном округах Китая в VII – IX вв. Серийность и типичность семиреченских кайраков никаких вопросов в их подлинности не вызывали, как и христианская принадлежность кайраков. Все это спо-

собствовало значительному притоку научных сил, организации экспедиций в регионы закрытые для западного ученого мира до известного момента.

Регион Жетысу природно-географически вместе с тем и культурно-исторически делится на три региона: юго-западный (Таласская долина, нижняя часть Шуйской), юго-восточный (верхняя часть Шуйской долины и оз. Иссык-Куль) и северо-восточный (долина р. Или), в каждом из которых были свои центры, свои особенности культуры, характеризовавшиеся и развитием приоритетных региональных связей. Регион Южного Казахстана, отделенный хребтом Каратау от юго-западного Жетысу, – это, прежде всего, оазисы Среднего течения р. Сырдарья, бассейна р. Арыси и долин значительного числа речек, сбегających с хребта Каратау.

На духовную культуру Жетысу оказал значительное влияние процесс тюрко-согдийского культурного синтеза. Раннесредневековая культура Южного Казахстана обладала, по-видимому, определенной самобытностью – насколько, правда, вопрос, продолжающий оставаться крайне дискуссионным, но очевидно, что это были центральные районы, где происходил процесс тюрко-кангюйского культурного синтеза, а ранее складывалась культура племен кангюев, составной частью процесса которого были хорезмские и согдийские политические и культурные контакты. О контактах свидетельствуют надписи с го-

* В первую очередь истории археологических исследований, наряду со связанными с ними лингвистическими, архитектурными, искусствоведческими, источниковедческими и др.

¹ Участок Южной Сибири в раннем средневековье также входил в центрально-азиатское культурное пространство, благодаря деятельности в основном манихеев, хотя имеются данные и о несторианской проповеди в Южной Сибири. См. напр.: *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга // РА 1999. № 2. С. 181-205; *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 243-271.

* Мраморная стела была найдена при земляных работах крестьян в районе старой столицы Северного Китая Си-ани. В историографии получила название «Несторианского памятника» или «Сирийско-китайской стель», так как надписи, содержащие историю проникновения сирийских проповедников в Китай в 635 г. и списки несторианской иерархии (67 духовных лиц) в средневековом Китае, были выбиты на двух языках. Однако несториане бывали в Китае и ранее, например в 551 г., когда личинки шелкопряда несторианскими монахами были перенесены оттуда в Константинополь (путешествие занимало год). Обнаружение стелы вызвало большой приток иезуитских миссий, имевших успех еще в первой половине XVII в.

родища Культобе, найденные А.Н. Подушкиным и недавно прочитанные Н. Сим-Вильямсом, в частности, говорящие о захвате кангюйских земель и строительстве городов согдийцами в период, пока предположительно, III – начала IV в. н.э.² Регион Южного Казахстана и Жетысу относился к северной части Западного Туркестана и в средневековый период был тесно связан с оазисами Восточного Туркестана на востоке, Хорезма на западе, Согда и Ферганы на юге.

Дело изучения духовной культуры, религий и культов является не столько делом археологов, однако именно археологические находки и исследования, а также случайные находки явились основными материалами, на которых основываются нынешние знания о духовной культуре региона, значительный период истории которого крайне слабо отражен в источниках.

Исследование региона продолжается не одно столетие, но, к сожалению, интереснейшие материалы множества экспедиций находятся теперь в музеях разных стран и континентов, например, материалы Восточного Туркестана разошлись по богатым экспозициям буддийского искусства на Западе, в частности в Пенсильванском музее, христианской живописи в Лондоне и другим богатым экспозициям и хранениям, в эрмитажную коллекцию влилось богатейшее собрание «среднеазиатских изразцов, древности Хара-Хото из раскопок П.К. Козлова»³. Результаты исследований, также публиковались и обобщались с большим запозданием. В последнее время обобщающие работы по этим ранним исследованиям серьезно поднимают вопрос о том, не разоряли ли в значительной степени так называемые исследователи сокровища и памятники богатейшей культуры? Видимо, в целом, проводились на общем научном уровне своего времени.

Формирование интересной и во многом уникальной средневековой культуры региона обогащалось за счет активных торговых и иных связей и путей. Широко известен путь, связывавший Запад с Востоком, названный в конце XIX в. Фердинандом фон Рихтгофеном «Шелковым путем», что емко передавало дух средневековой экзоти-

ки и приключений путей и дорог, не существовавших к тому времени уже более 4 столетий. Известен и торный путь на юг, в Индию, связывавший, в частности с ней Китай. Тесные связи Центральной Азии с Индией известны на протяжении всего средневекового периода, особенно на раннем этапе⁴. Культура Среднего Востока является, пожалуй, интереснейшим явлением средневековой культуры, резко отличавшейся от монокультур Китая, Индии, Европы и других цивилизаций. В западной историографии культурный феномен этого участка Шелкового пути получил название «сплавной котел». Название красноречиво и отражающее процессы, протекавшие здесь, но вместе с тем культура региона на всем протяжении истории, безусловно, имела свои характерные черты, корнями уходящими в древность.

С открытием доступа в регион исследователей конца XIX – начала XX в. интересовала вся культура Центральной Азии, открывшая свое богатство. Нельзя не отметить заслуг Дегины, Абеля Ремюза, Иакинфа Бичурина, позднее Жюльена, Шаванна, Пельо и других, введших в научный оборот огромные материалы китайских источников для истории Средней Азии. Нельзя не подчеркнуть значение работ Риттера, Томашека, Маркварта, Захау, Лерха, Друэна, сделавших очень много для разработки вопросов хронологии и исторической географии⁵. По мысли А.Н. Бернштама, народы Средней Азии были в конце I тыс. до н.э. и в первых веках н.э. «политическим оплотом и культурно-этническим союзником населения южной части Восточного Туркестана». В этом свете ученый объяснял и так называемую «согдийскую колонизацию», дошедшую до Дунхуана, как логическое продолжение культурных связей, сложившихся уже за тысячелетие до согдийского проникновения. Земли во второй половине I тыс. н.э. объединенные Западно-тюркским каганатом, политические центры которого находились в Жетысу.

Значением этих открытий было то, что они открывали миру памятники духовной культуры региона, переворачивавшие представления, в пер-

² Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe // SHYGYS 2006, № 1. С. 95-111.

³ Левинсон-Лесинг В.Ф. Иосиф Абгарович Орбели (1887-1961) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Культура и искусство народов Востока. № 7. Л., 1969. С. 12.

⁴ Ставиский Б.Я. О международных связях Средней Азии в V – середине VIII вв. // ПВ. 1960, № 5. С. 117.

⁵ Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 176.

вую очередь, западной цивилизации о многоликости и развитости сфер духовной культуры в Азии, наряду с материальной культурой региона, начиная с неолита. Известно о том, что впереди археологических исследований или наряду с ними шли и другие исследователи: историки и лингвисты, исследовавшие сохранившиеся памятники, развалины городов, церквей и храмов, пещерных культовых комплексов. Свидетельством высокого развития духовной жизни явился расцвет культуры в раннемусульманское время, были выявлены закономерности явления «мусульманского ренессанса», опередившего европейское «Возрождение» мог иметь место лишь в землях с развитой культурной основой, в зоне активного взаимодействия старой и новой культур.

За счет уникальности памятников, их относительно хорошей сохранности выделяется регион Восточного Туркестана, где на рубеже XIX – XX вв. сошлись интересы и западных и российских исследователей и были получены интереснейшие результаты.

Уникальные результаты были получены первым исследователем Северного Синьцзяна Ш. Валихановым (1858 – 1859 годы экспедиции). Исторические и этнографические наблюдения по своей глубине и важности стоят несравненно выше, чем более известных западному миру Р. Шау (Шоу) 1868 – 1869 гг. и Беллью, миссии Форсайта 1870 и 1873 гг.⁶ В историко-археологическом отношении неоспоримы заслуги первого консула Н.Ф. Петровского, собиравшего научные сведения параллельно с Д. Форсайтом в Хотане.

Стремление к историческому исследованию Туркестана привело к организации первой русской экспедиции Д. Клеменца в 1898 г. в Турфан. Успех первой русской экспедиции вызвал целый поток английских, французских, немецких, итальянских и японских экспедиций наряду с продолжавшимися российскими экспедициями в первые полтора десятилетия XX в. Особенно выделяются результаты исследований экспедиции А. Стейна, также велико значение экспедиций А. Лекока, П. Пеллиотта и Лангдона Варнера (профессора из Гарварда, ставшего прототипом для известного героя Спилберга Индианы Джонса).

По мнению исследователей, достоинство работ А. Стейна заключается не только в широком территориальном охвате экспедициями оазисов, но и в установлении историко-культурных связей Синьцзяна с Китаем, Индией и Афганистаном. Им были раскрыты вопросы истории, нумизматики, языка и общих вопросов филологии и, наконец, постановка ряда специальных вопросов археологии. Коллектив известнейших в то время лингвистов и специалистов решал проблемы переводов текстов и надписей, нумизматики и технологий. В последние годы он работал над проблемами связей Туркестана и Афганистана, работа не была закончена, исследователь умер в Кабуле в 1942 г. Находки его экспедиций обогатили Британский музей и музеи Индии. В его работах прослеживается увлеченность идеей решающей роли Индии в культуре Туркестана.

В начале XX в. было проведено четыре немецких экспедиции на севере Восточного Туркестана. Были обследованы фрески в Турфанском оазисе, буддийские фрески в Безекликте, в Карашаре, Куче, Комуле, Кок Яре, Хочо и Марал-баши. Лекок и Грюнведель приложили усилия к публикациям фресок буддийского и манихейского искусства, переводам манихейских текстов. В искусстве были прослежены влияния греко-бактрийской культуры и эллинистические влияния на поздние реплики гандхарского искусства.

Французские экспедиции (Шаванн, Пельо) исследовали, главным образом, связи региона с Китаем и устраивали экспедиции в Северо-Западный Китай. Была осуществлена публикация китайских, тюркских, тибетских и монгольских текстов с переводами и комментариями.

Работы финской, японской и итальянской экспедиций «оставались в пределах узко собирательских интересов». Японская экспедиция выделяется, впрочем, исследованиями истории буддизма, уйгурских текстов. Таким образом, в полтора первые десятилетия XX столетия были собраны значительные материалы. А.Н. Бернштам подчеркивает особое значение в это время отечественной науки в постановке вопроса о связях народов Восточного Туркестана с историей народов Средней Азии⁷.

⁶ Бернштам А.Н. Проблемы истории Восточного Туркестана // ВДИ. 1947. № 2. С. 52. А.Н. Бернштам отмечал единственность попытки до него в работе В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России» осветить историю изучения, в частности, Восточного Туркестана, и подчеркивавшего необходимость специального исследования вопроса.

⁷ Бернштам А.Н. Проблемы истории Восточного Туркестана // ВДИ. 1947. № 2. С. 57.

В досоветский период продолжается деятельность российских экспедиций, а исследования были связаны с именами В. Бартольда, В. Радлова, С. Малова. К настоящим открытиям можно отнести выявление культурного стыка Восточного Туркестана с Монголией и Китаем по результатам работ П. Козлова в древнем городе Харо-Хото в 1907 – 1909 гг. Первая Мировая война приостановила процессы изучения памятников региона.

Значительная часть памятников, обнаруженных в Восточном Туркестане в начале XX в., относится к манихейскому культу. В период проведения экспедиций был обнаружено значительное число свидетельств расцвета манихейства в уйгурской державе в IX – X вв. В 1905 – 1913 гг. немецкая экспедиция публикует экспедиционные отчеты и репродукции, которые говорят о том, что среди руин средневековых городов Харахойя и Гаочань был манихейский храм. В 1914 г. был опубликован отчет Российской экспедиции, в котором упоминалось о возможной манихейской принадлежности одного из гротов в Безеклике. В 1991 г. ученый из Осакского университета в монографии уделил внимание еще одному гроту с уйгурской надписью и манихейской принадлежностью. В последние годы было обнаружено большое количество гротов с манихейскими фресками в Турфане.

Не ставя себе задачей перечисления (в объеме статьи) всей библиографии (особенно западную, а также японскую и китайскую), затрагивающую религиозные вопросы региона (еще и по причине ограниченного доступа к ней). В последнее время основные вопросы, связанные с религиями вошли в монографию ученого из США Ричарда Фольтса «Религии на Шелковом пути»⁸, предметом которой явилось рассмотрение «международной торговли и культурного обмена с древности до пятнадцатого века», как трактует направленность своей работы сам автор. Работа явилась заметным религиоведческим трудом, в котором были сведены результаты изучения религий, было уделено внимание «религии и торговле», «проповеди и языку», «смешанным бракам и женской роли в религиозном воспитании» и таким образом, стал в значительной степени ито-

гом в области историографии проблем религиоведения, не только западной. Исследователь религий Шелкового пути приводит примеры открытий и напрасных жертв памятников, а также то, что ученые – искатели приключений были движимы основной целью – стать известными. Ариел Стэйн, обнаруживший большое количество древних манускриптов в пещерном храме, ранее, в свою очередь вывезенных из Индии в VII в. буддийским монахом, который был последователем учения известного Сюань-Цзяня в Восточный Туркестан. Стэйн настоял на том, что раз монах-путешественник «спас» их, вывезя из Индии, так много рукописей на санскрите, то теперь он имеет миссию увезти их в Англию. Лекок, мотивируя вывоз аналогичными причинами, пытался демонтировать остатки буддийских и манихейских фресок, однако работники зачастую производили неаккуратную работу и в процессе транспортировки в Германию фрески сильно пострадали. Окончательная утрата произошла во время бомбардировок Берлина. Сейчас фрески известны лишь по цветным репродукциям, опубликованным Лекоком в 1913 г.

Большинство текстов из Восточного Туркестана было переведено западными учеными, хотя и велик вклад японцев и китайцев. Рукописи были написаны на 17 разных языках, многие из которых не были известны к началу XX в. В результате исследований было обнаружено наличие значительных следов манихейства, о котором было известно в основном по средневековым полемикам с ними христиан и зороастрийцев в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Оригиналы манихейских текстов были найдены в тайниках пещер в оазисах пустынь Восточного Туркестана⁹. Позже, манихейские тексты были обнаружены в Египте. Тексты и фрагменты настенных росписей остались со времен манихейской державы IX – X вв., после того, как эта религия сделалась официальной в уйгурском государстве.

К настоящему времени собрана обширная средневековая библиотека рукописей манихеев из Хочо, Эфеса, Дакиана, Идикучлари, Као-чанга и Караходжа материалы которой находились в степени сильного разложения, значительное их

⁸ Foltz R. C. Religions of the Silk Road. New York, 1999.

⁹ Stein A. Ruins of Desert Cathay. London, 1912.

количество не подлежало восстановлению. По этому поводу А. Лекок писал: «...имел печаль открыть манихейскую библиотеку в храме «К», жестоко разрушенную водой. Когда мной была освобождена дверь от занесенного лессом и песком, то на пороге осталось высушенное тело убитого буддийского монаха, а его одежда была залита кровью. Весь пол комнаты был покрыт остатками манихейских книг толщиной 5 см. Лесс, вода пропитали рукописи, а летняя жара слепила все в единый слой, и обратила бесценные рукописи в мусор. Попытки спасти отдельные страницы, просушка их приводила к распаду страниц на фрагменты, разрозненные составляющие миниатюр, выполненные золотой, голубой, красной и желтой красками. Пропали невосполнимые сокровища...»¹⁰. Конечно, не все тексты были безвозвратно утрачены под воздействием времени и природы, например, в Кара-Хото Лекоком было найдено значительное количество манихейских рукописей VIII в. Несторианские рукописи были найдены им на северной границе пустыни Такламакан*. Видимо, не стоит драматизировать ситуацию с первыми исследованиями Восточного Туркестана, да, и не подверглись ли бы памятники и артефакты разграблению позже? Были и упущения, одно из которых – отсутствие планов или детальных описаний культовых сооружений (манихейских храмов).

Как позже было доказано советскими учеными, культура Восточного Туркестана постоян-

но испытывала влияния извне и в частности из Согда или Жетысу, наряду с Китаем и Индией (подробнее ниже) и в общем-то не была самобытной, а репликами соседних культур, но при своей сохранности явились хорошим источником. Так случилось, например, с согдийской письменностью, манускрипты с которой были найдены на родине несколько позже, чем в Восточном Туркестане, еще большее значение находки здесь имеют для манихейства, также интересны и несторианские¹¹.

Исследование древней культуры Туркестана шло параллельно, если не опережающими темпами в его северо-западной части. В 1887 г. было создано Восточное отделение при Императорском археологическом обществе, что было вызвано «огромным объемом материала, поступавшего из региона (в частности, снимков с надписей на разных языках (шрифтах): сирийском, арабском, еврейском, тюркском, армянском и других так называемых «неопределимых»).... отмечались заслуги ученых Н. Пантусова¹² и Ф. Пояркова, которые только коснулись этого уголка, как оказалось, что материал в этих местах неистощим»¹³. Впервые сообщил ученым о кайраках с крестами межевщик Т. Андреев*.

В дальнейшем несторианские кайраки находились еще в значительном числе мест региона: в их числе – селение Мазар, близ развалин городища Алмалык (Восточный Туркестан); урочище в 8 км западнее поселка Покровское, в 40 км

¹⁰ *Le Coq A.* Buried Treasures of Chinese Turkistan, Oxford University Press, Oxford, New York, Toronto, 1985. P. 61.

* Немногочисленные примеры несторианского искусства Восточного Туркестана хранятся в Берлинском музее восточного искусства, в частности «Служитель несторианского культа», фрагмент росписи из церкви в Хочо IX в. В кн.: *Along the Ancient Silk Routes: Central Asian Art from the West Berlin State Museums.* New York: The Metropolitan Museum of Art. P. 158.

¹¹ *Ломанов А.В.* Раннехристианская проповедь в Китае // Китайский благовестник. 1999. № 1. (В первой половине XX в. в Китае в пещерах и частных коллекциях были обнаружены и опубликованы восемь несторианских текстов, датированных нач. VII и кон. VIII – нач. X вв.)

¹² Заслуги Н.Н. Пантусова, возможно еще не получили должной оценки, одна из немногочисленных специальных работ: *Савельева Т.В.* Исследователь Семиречья // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 1993, № 5. С. 84-86. Автор приводит достойную оценку ученой деятельности, сделанную Н. И. Веселовским, исследует деятельность Пантусова, и приводит библиографию востоковеда Н.Н. Пантусова, в частности по теме: *Пантусов Н.Н.* Христианское кладбище близ города Пишпека Семиреченской области в Чуйской долине // Записки Восточного Отделения Археологического Общества. Т. I. Спб., 1887 г. С. 74.

¹³ *Никольский М.В.* Мотивированное предложение об образовании Восточной Комиссии // Труды ИМАО. 1888. С. 1-9.

* Телеграмма из Верного от 30 июля 1885 года сообщала: «В долине реки Чу найдены каменные плиты с монгольскими надписями и изображениями креста». Первый обратил внимание на эти камни производивший летом 1885 года землемерные работы, при отводе земли расположенному в двух верстах от города Пишпек селению Аламединскому, межевщик Андреев. По сообщению врача Пояркова, в вышедшем 14 ноября 1885 года № 44 газеты «Восточное обозрение», им, в 1,5 верстах от башни Бурана, ближе к Александровскому хребту, «найлены в трех местах камни с изображением креста с надписью, на языке ...неизвестном». Первые раскопки провел Поярков, в дальнейшем более 100 могил было вскрыто Н.Н. Пантусовым.

от Каракола; развалины (караван-сарая – монастыря?) Ташрабат; селение Биркулак в Токмакском районе Киргизии; в городе Таразе; в долине р. Шу в Казахстане; в ряде пунктов Ферганской долины, в селении Ургут Самаркандской области¹⁴. Позже К.М. Байпаковым и В.Д. Горячевой на Красной речке¹⁵. Интересно отметить, что первые исследователи Токмакского и Бишкекского несторианских кладбищ в конце XIX в. считали, что общее количество захоронений с кайраками на этих некрополях должно было быть до 6 тысяч на каждом¹⁶ (большинство кайраков находилось к тому времени уже под поверхностью дернового слоя). Однообразие намогильных памятников и отсутствие интересного сопроводительного погребального инвентаря в захоронениях, привели к тому, что кладбища были раскопаны ограниченно. Предположения Пантусова в конце XIX в. о наличии кайраков с крестами в долине р. Шу¹⁷ были подтверждены там ирригационными работами в 1919 г¹⁸. Стало известно таким образом о широком распространении несторианства и об обряде их захоронения, в поздний период распространения. Дореволюционная библиография по семиреченским кайракам (было исследовано около 700 кайрков, в частности по фотографиям) очень обширна, над ней работали лучшие востоковеды своего времени: Д.А. Хвольсон, В. В. Радлов, С.С. Слуцкий, Ф.Е. Корш, Н. Марр, Коковцев. В свою очередь, через десятилетия, работа нашла свое продолжение у Ч. Джумагулова, где, в частности, упоминаются и результаты исследований антропологического материала из этих захоронений, они оказались брахицефальными черепами с европеоидными признаками и относятся к разряду памиро-ферганского расового типа¹⁹. В.М. Флоринский, исследуя два черепа, доставленные

Н.Н. Пантусовым в Томский университетский музей из «пишпекских несторианских» могил, приходит к заключению, что «общий тип – округло-овальный, короткоголовый, высокий, с плоским затылком. В этом отношении они принадлежат к круглым татарским черепам, но отличаются ...некоторым сжатием височных областей... Скулы развиты умеренно, но угловаты и не выпячиваются вперед, как в монгольском типе. Несторианские черепа ...следует отнести к местным татарским (уйгурским)»²⁰. Видимо, результаты свидетельствуют о смешанном расовом облике образа позднего несторианина Жетысу с преобладанием центральноазиатского или местного тюркского этнического компонента.

Регион озера Иссык-Куль с самого начала по понятным причинам привлекал к себе путешественников и исследователей и большим количеством легенд, известным сообщением П.П. Семенова-Тян-Шаньского о монастыре на его берегу, непосредственно самими находками по берегам речек, впадающих в озеро, и на берегах мелющего озера, затопляющего многочисленные памятники предшествовавших исторических эпох. Медные котлы из озера, нумизматические находки, множество мелких бронзовых артефактов, балбалы, курганы, развалины стен под водами озера и другое²¹.

Известен факт находок в Семиречье достаточно большого количества мусульманских надгробных камней: Число мусульманских кайраков, выявленных в Северной Киргизии, превышает 300; из них в фотофиксациях или по упоминаниям в печати известно 260. Крупные комплексы кайраков зафиксированы на древних кладбищах в Прииссыккулье (до 120 камней). Значительная доля (до 40%) из них датируется временем с середины XII в. до 3-ей четверти XV в. Причем

¹⁴ Массон М.Е. Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. № 10. 1978. С. 53.

¹⁵ Горячева В.Д. Город золотого верблюда. Фрунзе, 1988. С. 62.

¹⁶ Слуцкий С.С. Семиреченские несторианские надписи // Древности Восточные. Труды Восточной комиссии. М., 1889. Т. 1, Вып. I. С. 1.

¹⁷ Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // ЗВО-РАО. СПб. 1887. Т. I, (Вып. II). С. 76.

¹⁸ Массон М.Е. Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. № 10, 1978, с. 53

¹⁹ Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971. С. 6.

²⁰ Труды томского общества естествоиспытателей. Год первый. Томск, 1889 г. С. 52.

²¹ Омуркулов М.О. Изучение историко-археологических памятников Кыргызстана русскими учеными и исследователями // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагуна. 2003. Сер. 1. Вып. 1. С. 150-164.

несторианские и раннемусульманские кладбища находились зачастую по соседству, результаты исследований были обобщены в работах В.Д. Горячевой²². Возможно соседству способствовала определенная схожесть погребальных обрядов, отличавшегося от других*.

Не всегда ранние научные изыскания добивались действительно положительных результатов. Первые региональные организации ученых, зачастую энтузиастов, обычно стремившихся показать «что у нас не хуже, чем в Ташкенте», не всегда добивались успехов. Например, Б.А. Литвинский отмечал факт того, что благодаря малочисленности его членов, пассивности и неподготовленности кружок (Закаспийский в Ашхабаде) не сумел добиться сколько-нибудь значительных успехов²³. Однако это было, скорее, исключение. Об археологических памятниках Южной Киргизии (Узгена и Оша) в 1871 г. сообщает А.П. Федченко. Описывает он известные мавзолеи, «что в отличие от Самаркандских эти облицованы обыкновенным глиняным, покрытые замечательно, хорошо исполненной резьбой».

Традиционно начало профессионального изучения региона связывают с именем В.В. Бартольда, который предпринял поездку в регион по инициативе Н. Веселовского. В этой связи особенно заслуги в деле изучения религий, особенно христианства, находки и памятники которого часто случались в этот период²⁴. Творчество ученого в этой области исследовано многократно и всесторонне²⁵.

А.Н. Бернштамом при раскопках Тараза в 1930-х гг. были предприняты попытки найти материальные следы существования культовых средневековых построек и переделки центральной городской церкви в соборную мечеть в 893 г. (о чем говорилось у персидского автора Нершахи), эти попытки имели определенный частичный успех²⁶. Раскопки, хотя и не смогли археологически подтвердить наличие церкви по причине ограниченности территории раскопок, были обнаружены лишь синхронные культурные слои и артефакты, говорящие о культовом назначении сооружения.

Таким образом, вплоть до 40-х гг. XX в. российские, а затем советские исследователи достаточно успешно работали в области христианства и ислама, вместе с тем накапливалась информация по местным культам, буддизму, характерным чертам обрядов, например, погребального, в дальнейшем обобщающие работы использовали термин «доисламские» культы.

В 20-40-е гг. XX в. продолжают публикации: о находках предметов с изображениями крестов²⁷; сирийской надписи на сосуде из Тараза, со значительной долей уверенности отнесенной А.Я. Борисовым к яковитам (монофизитам) и стратиграфически и палеографически датирована V – VII вв.,²⁸ некоторые находки были опубликованы позднее²⁹. Хотя общее направление исследований религий в то время характеризовалось, мягко говоря, негативным отношением к религии.³⁰

²² Горячева В.Д. Древнейшие системы письма и памятники эпиграфики Тянь-Шаня // <http://www.ctai.elcat.kg>.

* На заседании ВАО Ю.К. Трутовский сделал сообщение о «двух камнях с арабскими надписями, присланных Ф.В. Поряковым из Токмака. Обе надписи принадлежат мусульманам, трудно разбираемы. На одном камне начало представляет суннитский символ («Нет Бога кроме Аллаха...»). По форме и величине они современны (?) несторианским, но как попали мусульмане на одно кладбище с несторианами - трудно решить и объяснить, вероятно, они попали во время чумы».

²³ Литвинский Б.А. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока // Известия Отделения общественных наук. Сталинабад, 1957. № 14. С. 165.

²⁴ Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей). М., соч., т. II (2). С. 265—302.

²⁵ Кнауэр Я.Х. Василий Владимирович Бартольд о христианстве в Средней Азии // Наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002. С. 83-85; Гафаров Н. Академик В.В. Бартольд о распространении христианства в Центральной Азии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 95-99.

²⁶ МИА КазССР, т. 1. ТСАЭ (1936-1938 гг.) Таласская долина / Под ред. А.Н. Бернштама. Алма-Ата, 1949. С. 33-34.

²⁷ Городецкий В.М. Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пишпекского уезда // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. 1. Ташкент, 1926.

²⁸ Борисов А.Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия АН КазССР. Сер. археологическая. 1948, вып. 1. С. 105-108.

²⁹ Массон М.Е. Происхождение двух несторианских надгробных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1978. № 10. С. 50-55.

³⁰ Данилин А.Г. Бурханизм на Алтае и его контр-революционная роль // СЭ. 1932. № 1. Л., С. 63-91; или статья о человеческих жертвоприношениях в Удмуртии: Худяков М.Г. Политическое значение мултанского дела и его отголосков в настоящее время // СЭ. 1932. № 1. Л., С. 43-63.

Одна из первых попыток обобщить материалы по средневековым культурам и религиям Таласской долины предпринимается в работе Т.Н. Сениговой, где привлекаются материалы и Южного Казахстана по доисламскому периоду (известная ступка со смешанной авестийско-христианской символикой)³¹. В исследовании анализируются данные по религиям региона: данные «Карты археологических памятников» 1864 г. из областного музея, содержащей данные о земельных угодьях средневековых церквей Тараза, известия о сохранившихся пережитках зороастризма до XIX в. Также приводятся сведения по христианским погребениям Тик Турмаса, которые перекликаются с данными Н. Пантусова, относящиеся к позднему периоду в Шуйской долине. О зороастризме в его «яркой» форме красноречиво свидетельствовали сковорода и вилка соответствующих размеров, по мнению автора, способных служить для выварки трупов и оссуарии, найденные в склепах. Автором отмечается, что манихейские и зороастрийские захоронения соседствовали на некрополе № 1, а незначительное количество буддийских захоронений с христианскими – на некрополе № 2. Автор обращает внимание на факт того, что, несмотря на победу арабов в 751 г., мусульманские погребения в регионе относятся к значительно более позднему времени. В другой работе Т.Н. Сенигова, кроме анализа известного источника по манихейству «страны Аргу» с известиями о распространении манихейства в районе Тараза даются описание и интерпретация находки – известного дастархана из Тараза, найденного в 1957 г. и содержащего, по мнению автора, манихейскую иконографию³².

Исследования Тараза дали значительную пищу для исследований средневековых культов. Одним из известных таразских артефактов является фрагмент терракотовой иконы, «необычной» по словам Т.Н. Сениговой, опубликованной в известной работе по культурам Семиречья и хра-

нящейся в ЦГМ РК. Икона со ссылкой на предоставление изображение Г.Л. Семеновым и, по мнению автора немецкого профессора Г. Климкейта, находящейся в Эрмитаже, наряду с известными серебряными блюдами и намогильником опубликованными в статье, действительно находящимися в Эрмитаже содержатся в статье немецкого профессора³³. В публикации вместо Тараза местом находки иконы указывается Восточный Туркестан, а также дается и более поздняя датировка предмета (нежели Т.Н. Сениговой, без какого либо объяснения и ссылок) – у западного исследователя она датируется временем распространения манихейства в Восточном Туркестане, и с логичным, в этом случае, (вопросительным) допущением манихейской принадлежности иконы. Г.И. Климкейту было также известно о четырех фрагментах строчек надписи, по-видимому, сирийским эстрангело (у Климкейта согдийской надписи на эстрангело) на тыльной стороне иконы сделанной черным цветом (тушью), теперь уже не сохранившихся на артефакте (предоставленных на фото автору настоящей статьи Ю.А. Мотовым). Икона также содержит и рельефную строчку сирийского письма на лицевой. Как известно, этим письмом написано абсолютное большинство многочисленных несторианских памятников региона³⁴. Возможно, тема не исчерпана и дискуссионна (только относительно манихейской принадлежности), в частности этнический облик изображенных (где также можно согласиться с Т.Н. Сениговой, связывавшей икону с Индией), анализ фрагмента креста и т.д., видимо нужна отдельная работа, но пока очевидна путаница данных у западного исследователя.

В последние годы появляются и дополнительные сведения о широких раннесредневековых индийских связях (доклад Б.И. Маршака об индийском зеркале на Алтае V-VI вв.)³⁵. Индийские влияния, в частности в чилекских чашах (из

³¹ Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI-VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 51-67.

³² Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза // Известия АН Каз. ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1960. № 3 (14). С. 97-102.

³³ Klimkeit H.-J. Christian Art on the Silk Road / Th. W. Gaehtgens. ed., Berlin, 1993. P. 488.

³⁴ Немногочисленные несторианские источники на согдийском, найденные в Восточном Туркестане опубликованы, в частности: Зундерман В. Отрывок из согдийской истории церкви в Центральной Азии // Исследования источников по истории доисламской Центральной Азии. Алматы. 1997. С. 109-116.

³⁵ Маршак Б.И. Об одном раннем памятнике индийского искусства // Эрмитажные чтения. СПб., 2000. С. 55.

под Самарканда) в виде «пышных и тяжелых причесок фигур» (деодархские скульптуры первой половины VI в.) и множество других характерных «гуптских» черт были известны как результат эфталитских вторжений в Индию второй половины V в.³⁶ В этих же хронологических рамках и была датирована тараская икона Т.Н. Семиговой. Кроме неточностей с терракотовой иконой, в статье Климкейта содержится и указание на Восточно-Туркестанское происхождение известного Григоровского блюда с тремя медальонами.

К настоящему времени, собранный материал по памятникам несторианства на «Шелковом пути» позволяет говорить о находках предметов несторианского культа в большинстве важнейших городов: Куйрук-тобе, Сайрам, Тараз, Мерке, Актобе (Степнинское), Ново-Покровское, Караджигач, Суяб, Красная Речка (Невакет – с 1180 г. место резиденции митрополита тюрок-несториан), Баласагун, берега оз. Иссык-Куль, Талгар³⁷, Каялык³⁸ и далее в Восточном Туркестане: Алмалык, Бешбалык, Хочо, Дунхуан, Западный Китай – Гаочань и столица – Си-Ань, вплоть до Тихоокеанского побережья – Ханбалык³⁹, ждут публикаций другие находки, о находках кайраков уже говорилось выше.

Из Согда на северо-восток начало распространяться по Центральной Азии параллельно несторианству) и манихейство. Наряду с широким распространением манихейства в Центральной Азии, существовали обширные географические области, где влияние манихейства явно преобладало (Уйгурия, Хакасия)⁴⁰ или было значительно распространено – Кимакия⁴¹. Несмотря на манихейские памятники, подтверждаемые источниками вопрос о параллельном распространении христианства в его несторианской форме

на территории, Западной Сибири не снят. Одним из первых о возможной христианской принадлежности Суджинской надписи говорил С.Г. Кляшторный, говоря о применении термина «мар» – наставник в вере, клирик. Также он обращает внимание на частичную замену древнего обряда сожжения трупов на захоронения, чего не могло происходить при значительном распространении манихейства, так как они не предавали покойника земле, а помещали в специальные постройки⁴². В работе С.Г. Скобелева: «Створка панагии из погребения енисейского кыргыза позднего средневековья», приводятся некоторые данные, в том числе источников о возможном распространении несторианства в Сибири.

В последнее время, на Алтае вышел ряд статей с мыслью о «Принятии христианства на Алтае и в Казахстане раньше, чем в России». Описание такого памятника мы здесь и приводим: «... на плече небольшого отрога, который спускался с правого склона в долину ручья Аккол, я наткнулся на каменный крест размером около 5 метров. Крест был выложен из небольших глыб на горизонтальном участке узкого хребта между скалистыми выходами. В древности каменной выкладки сомнений не было. Камни «вросли» в землю и уже не выступали над дёрном. Выглядело сооружение таким же древним, как и выкладки глыб вокруг курганов...» (статья В. Писаренко, председателя республиканского географического общества)⁴³. Крест, выложенный из валунов на плато Укок, напоминает подобный же памятник «Казыгуртский крест» в Южном Казахстане, идеально правильных форм, равноконечного с размерами переключин креста 32 м, шириной 4 м и обложенный двумя кольцевыми каменными выкладками-окружностями диаметром 80 и 100 м⁴⁴. Кресты – видимо христиан-

³⁶ Маршак Б.И., Крикис Я.К. Чилекские чаши // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Культура и искусство народов Востока. № 7. Л., 1969. С. 81-98.

³⁷ Копылов И.И., Керекеша Л.И. Талкиг (древний Талгар) – развилка Великого Шелкового Пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 132; Были найдены (бронзовая скульптурка Распятия Христа, бронзовый крестик, изображения крестов на бронзовых цилиндрах).

³⁸ Железняков Б.А. О несторианстве Семиречья в средние века // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2002. № 1. С. 296-307.

³⁹ Foltz R. C. Religions of the Silk Road. New York. 1999, maps p. 1,2.

⁴⁰ Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга // РА. 1999 (2). С. 182-206. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // ДВ. СПб., 2000. С. 111-129 и другие работы.

⁴¹ Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 111.

⁴² Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение суджинской надписи // ПВ. 1959. № 5. С. 166-167.

⁴³ Писаренко В. Несторианский крест на Укоке // Постскрипум, Республика Алтай, 2003. № 14.

⁴⁴ Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб. Шымкент, Алматы, 2003. С. 82.

кая деталь (проведенные исследования пока не дают оснований для четких интерпретаций и датировок), подчеркивающая древнюю сакральность обеих местностей (плато Укок и гора Казыгурт).

Завершая обзор христианской историографии невозможно не упомянуть две фундаментальные работы 70-х гг. прошлого столетия. Г.Я. Дресвянская скрупулезно проследила жизнь ранних христиан – мелькитов, хозяев и строителей «овального дома» на Гяур-кале в Мерве и причины исчезновения этой ветви христианства в регионе (частичный переход в несторианство). Также прослежены дальнейшая история христианства, похороны последнего Сасанида Иездидерда II мервским митрополитом, сохранение мервской митрополии по Бируни до XI в.⁴⁵ (О подлинном интересе к истории Церкви Востока свидетельствуют хроники Русской Православной Церкви: в 902 г. православный митрополит багдадский изгнан халифом по наветам несторианского патриарха, и православная паства примкнула в большинстве к несторианам)⁴⁶. В.М. Массон проанализировал все данные по несторианству Согда и привел свидетельства по существованию крупных христианских духовных центров в регионе, куда стекались многие верующие, в том числе и с Ближнего Востока (Ургут под Самаркандом), а также в Семиречьи, проследив известные места находок несторианских кайраков.⁴⁷ В X в. целое христианское селение было между Голодной степью и Сырдарьей.⁴⁸ Вполне возможно, что именно это «укрытое от лишних глаз» пещерное поселение было открыто археологами Отрарского музея⁴⁹, поселение в незаселенной полупустынной местности в 15-20 км от Сырдарьи.

Пожалуй, второй по хронологии после известной «О христианстве...» В.В. Бартольда рабо-

той, на русском языке по исследованию согдийских культов стала работа А.М. Беленицкого⁵⁰. Если работу В.В. Бартольда отчасти справедливо критиковали за то, что лишь три-четыре страницы от ее значительного объема посвящены непосредственно христианству, то в случае с работой по согдийской идеологии она практически вся посвящена манихейству. Двум другим религиям – христианству и буддизму отведено по странице, а зороастризму отводится роль религии Ирана, но никак не враждовавшего с Ираном Согда. Теоретическая работа, скорее, посвящена особенностям манихейства, сабейства, отдельным сторонам синкретических культов. Отметим лишь то, что даже многовековое господство ислама не смогло искоренить «пережитки» древних религий и культов иранских и тюркских народов (традиционными и доминирующими доисламскими религиями в регионе). Храмы и дворцы Согда, Хорезма, соседних земель были посвящены божествам авестийского круга, к которым все больше примешивались, а где-то (на юге Казахстана) становились определяющими божества пантеона тюрков, которые были определяющими в кочевой среде. Мысль С.Г. Кляшторного о том, что при возникновении мусульманского Караханидского государства ислам соперничал не с языческими верованиями, а с манихейством и христианством⁵¹, пока представляется дискуссионной. Хотя Ю.А. Зуев был против определения манихейства как «религии купцов и жителей городов», но не со всеми выводами заслуженного ученого можно соглашаться, например, относительно неизменности манихейской доктрины, о чем можно судить по идентичным изображениям манистанов в Туркестане и Хакасии⁵². А.Ю. Якубовский был против манихейской принадлежности дворцов и живописи Пянджикента («...автор преувеличил роль манихейства и не-

⁴⁵ Дресвянская Г.Я. «Овальный» дом христианской общины в старом Мерве // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1974. Т. 15. С. 155-171.

⁴⁶ Архимандрит Арсений. Летопись церковных событий и поясняющих их гражданских от Рождества Христова до 1879 г. С-Пб., 1880. С. 345.

⁴⁷ Массон М.Е. Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1978. № 10, С. 50-55.

⁴⁸ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Душанбе. 1977. С. 140.

⁴⁹ Ахмет С., Железняков Б. О пещерах Дастарбасы. Новые памятники Южного Казахстана // Ахинжановские чтения – 2004. Алматы, 2004. С. 76-80; Ахмет С., Железняков Б. Загадка пещер Дастарбасы // Nomad Kazakhstan 2005, № 5. С. 62-71.

⁵⁰ Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда. По материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 27-84.

⁵¹ Кляшторный С.Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2006, № 1. С. 124.

⁵² Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 260.

достаточно учел роль местных языческих культов, а также местного зороастризма» или, точнее, «культы огня»⁵³. Позже А.М. Беленицкий и Б.И. Маршак отмечали индийские параллели и отдаленные, но явные аналогии шиваистской иконографии в пенджикентской живописи. Тем самым, по мере роста числа найденных произведений живописи и всестороннего анализа намечается общее понимание согдийского мировоззрения. «Живопись Пенджикента отражает не только и не столько ритуалы определенного культа или этикет двора местного правителя, сколько духовные запросы горожан»⁵⁴, которые можно обобщить как представления об «идеальном» божестве, государстве, герое, правителе, женщине. Содержанием согдийского искусства являлся, в основном, не культ, а эпос, пронизывавший все искусство и растворявший в себе все культы.⁵⁵ Можно заключить то, что религия Согда была достаточно комфортна для своих приверженцев и культовая сторона жизни согдийцев была максимально материализована, «обмирщена». В другой своей монографии А.М. Беленицкий выделил некоторые культовые сюжеты искусства согдийцев. Это и почитание небесных светил, так дни недели были посвящены авестийским божествам, ставшим позже именами планет (Солнце, Луна и пять планет), аналогичные европейской системе. Широко распространен был культ предков, обряды которого описываются в китайских хрониках: в отдельном здании поставлен престол, куда ставят золотую урну с пеплом сожженных костей родителей владельца, потом обходят вокруг престола, рассыпая пахучие цветы, плоды и ставят жертвенное. Почитался и образ четырехрукого женского божества, где

прослеживается почитание р. Зеравшан, находящем прямые параллели с Индией и Афганистаном⁵⁶. Интересный и подробный экскурс в область женских божеств, которым поклонялись предки населения Южного Казахстана, представляет работа К.М. Байпакова и Г.А. Терновой⁵⁷.

Специальных религиоведческих экспедиций в советский период не проводилось (в отличие от первоначального этапа), проводились комплексные археолого-этнографические исследования или даже экспедиции искусствоведческие⁵⁸, по результатам, которых проводился анализ особенностей храмовой архитектуры, находок художественного металла, вследствие чего делался вывод о культовой принадлежности памятника, подтверждая тезис и о распространении той или иной религии в регионе с привлечением известных источников.

Роль исследований искусства в реконструкции культов огромна, как и обширна литература по тематике. Религиозная мифология, традиционные культы составляют основу образной системы. Один из исследователей темы В.А. Мешкерис делает важный теоретический вывод о том, что согдийское искусство возникло не в результате эволюционного развития и преемственности, а в результате перерыва традиции, связанной с изменением идеологии⁵⁹. Безусловно, традиции не были прерваны, а лишь значительно подкорректированы. Видимо, в Согде подобные реформы прошли чуть позже хорезмских (в Хорезме — в I в. н.э., и отразившихся в искусстве во II-III в. н.э.)⁶⁰. Формационная периодизация истории в значительной степени, видимо, изжила себя, но, в то же время, на искусстве ярко прослеживается переход от античности, вызванный перемена-

⁵³ Якубовский А.Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. С. 18.

⁵⁴ Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии / под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1976. С. 75-89.

⁵⁵ Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987. С. 130.

⁵⁶ Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись скульптура. М., 1973. С. 42-46.

⁵⁷ Байпаков К.М., Терновая Г.А. Женские божества Казахстана на Великом Шелковом пути // Известия. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001, № 1. С. 219-234.

⁵⁸ В Узбекистане долгие годы работала искусствоведческая экспедиция под рук. Г.А. Пугаченковой, по итогам работ которой был осуществлен целый ряд публикаций, например: Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989; Пугаченкова Г.А. Раскопки Узбекстанской искусствоведческой экспедиции на античных памятниках в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976; в религиоведческом аспекте выделяются совместные с Л.И. Рempelем монографии (Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1964.), где приводился и краткий обзор мировоззренческих систем региона.

⁵⁹ Мешкерис В.А. Терракоты и монументальное искусство Согда // Искусство таджикского народа. Душанбе, 1979. С. 4.

⁶⁰ Заключение, сделанное Б.И. Вайнберг на основе предыдущих работ, в особенности С.П. Толстова; Вайнберг Б.И. Хорезмийская эра // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 136-141.

ми в идеологии. Смена сюжетов отмечается в разных регионах и прослеживается на различном материале. Среди терракотовых фигурок животных Хорезма львы были излюбленной темой на раннем этапе, позднее чаще изображались антропоморфные существа, например сюжет «богиня с шарфом»⁶¹. Стоит отметить, что развитие религиозных учений происходило не только под влиянием политического развития, но и взаимовлияний религиозных систем, чему способствовало развитие торговых путей. Яркие черты синтеза местных, восточных и эллинских традиций в этот период отмечались Б.Я. Стависким⁶². Таким образом, несмотря на значительное смешение и взаимовлияния культур в первой трети I тысячелетия н.э. в регионе отмечается смена сюжетов искусства.

Переосмысление интерпретации предметов искусства зачастую приводит к интересным результатам*. Л.И. Ремпель, пересмотрел культурную принадлежность одной из находок (бронзовой ноги верблюда – длиной 107 см) изначально определенную как «ножки бронзового котла». Размеры фрагмента статуи верблюда, говорят о размерах и «значимости» целой, соединенной воедино из отлитых фрагментов, которая использовалась в виде истукана⁶³. Известно о массовой переплавке многочисленных идолов на более «реальные» нужды в раннеисламское время и уникальная находка характеризует длительный период идолопоклонничества, а также подчеркивает религиозный характер раннесредневекового искусства.

Манихейству Центральной Азии посвящен раздел: «О тюркском манихействе» монографии Ю.А. Зуева. Распространение манихейства в древнетюркское время было крайне представительным: «В первую очередь это западные тюр-

ки, тюргеши и кара-тюргеши с племенами ас и тухс, чигили, чумули, карлуки, кимеки, байарку, кара-йагма и кара-игиль и т.д.»⁶⁴ Многие племена имели, по мнению автора, самоназвания, пережившие с персидского, как числительное «сорок», обозначавшего школу в стране Аргу. С.Г. Кляшторный также отмечает значительное распространение манихейства за счет согдийской торговли вдоль трасс торгового пути. При этом он подчеркивает определяющую роль в этом процессе манихеев страны Аргу (Жетысу), откуда происходит некоторое количество памятников с возможной манихейской принадлежностью (венчик хума с согдийской надписью, прочитанный В.А. Лившицем, говорящем о христианской или манихейской принадлежности)⁶⁵. С тех пор мнения исследователей не столько разделились, сколько они подчеркивают одну из указанных принадлежностей.

Манихейскую принадлежность хакасских культовых памятников, да и сибирских вообще после длительных и масштабных работ Л.Р. и И.Л. Кызласовых оспаривать вряд ли стоит (культовое назначение общественных сооружений, ориентированных алтарной стеной на запад на территориях, где кроме местных народных религий в датируемый период могло быть распространено манихейство и несторианство; такой набор признаков присущ лишь манихейству), тезис подтвержден учеными, в частности Б.Я. Стависким. Хотя невозможно не отметить значительных заслуг ученых в деле выявления манихейских древностей, однако, мощное цивилизаторское значение манихейских проповедников на местное население ими возможно, несколько переоценивается. Мнение М.М. Дьяконова о том, что оазисы Синьцзяна с многочисленными и исключительно разнообразными живописными

⁶¹ Воробьева М.Г. Культура и искусство древнего Хорезма / под. ред. М.А. Итиной, Ю.А. Рапопорта и др. М., 1981. С. 184-193.

⁶² Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998. С. 6-12.

* Л.И. Ремпель писал: «Каждая археологическая находка несет в себе определенной запас информации о прошлом. Но как часто эта «информация» не доходит по адресу лишь по тому, что в свое время не могла быть сопоставлена с другими археологическими и письменными источниками. Оставаясь годами непонятой, она терпеливо ждет в запасниках и витринах музеев, пока общий ход развития исторической науки не побудит исследователя прочесть давно полученные «сигналы информации» заново.

⁶³ Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье история и культура / под. ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского М., 1977. С. 95-102.

⁶⁴ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 259.

⁶⁵ Кляшторный С.Г. Манихейские обитатели в стране Аргу // Известия. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2006. № 1. С. 121-124.

полотнами в пещерах, сохранивших их для исследователей, никогда, по сути, не были центрами самобытной культуры, а испытывали значительное влияние Китая, Индии и Тибета и богатой согдийской культуры⁶⁶, находит все больше подтверждений. Можно лишь добавить, что проповедниками несторианства были в основном сирийцы⁶⁷, на значительном персидском присутствии в несторианской иерархии настаивал В.В. Бартольд, а манихейства, видимо персы (асирийцы), а позднее местные согдийцы.

В последнее время вышло несколько исследований по манихейству, о наличии манихейского храма в Каялыке во времена В. Рубрука (XIII в.), выявленном по его подробному сообщению о пребывании в городе и описаниям писали К.М. Байпаков и Г.А. Терновая.⁶⁸ Интересна работа К.У. Торланбаевой не лишней раз перечисляющей находки в Таразе, относящиеся к манихейству, расширяющая и дополняющая их прежние интерпретации.⁶⁹ О высокой культуре манихейства – «одной из мировых религий средневековья», также наряду с широким распространением ее в Восточном Туркестане, свидетельствует работа Н. Кенжеахметулы проследившим наличие тюркоязычной манихейской общины в регионе в IX в. по нумизматическим данным⁷⁰.

Область Туркестана имела развитую духовную культуру за счет синтеза культур, в частности тюрко-согдийского, в общем-то, не была уникальной, подобные же процессы синтеза происходили повсеместно и в Китае и в Иране (в Китай проникли христианство, манихейство, зороастризм из Ирана, буддизм двигался на запад) но там эти процессы имели короткую продолжительность и свои специфические черты, более присущие монокультурам.

В 1986 г. итог исследованиям материальной и духовной культуры Южного Казахстана и Се-

миречья подвел К.М. Байпаков, одним из выводов его работы было заключение, что в VI–VIII вв. в регионе складывался своеобразный культурный комплекс, который закономерно можно назвать тюрко-согдийским. Вывод Б.А. Литвинского о том, что в Средней Азии в VI – начале VII вв. мы находим целый конгломерат религий, сражающихся за умы и души населения⁷¹, расширяется, вбирая в себя Семиречье⁷². В работе известного исследователя М.Е. Массона дается и краткий очерк истории исследования буддийских и христианских памятников Туркмении за 50-70 гг. XX в. Кроме того, это был период осмысления культурных взаимовлияний. Продуктивный процесс интеграции творческих начал двух миров, становление которому положил тюрко-согдийский синтез, определил многие стороны последующего развития центрально-азиатских обществ. По существу в Семиречье происходил процесс встречной ассимиляции. Местное население ассимилировалось лингвистически, а пришлый компонент урбанистической цивилизацией. В.М. Массон отметил полноту рассмотрения этого вопроса в исследованиях К.М. Байпакова⁷³. Происходили и сложные межрелигиозные процессы, требующие продолжения научных усилий. Для изучения тюрко-согдийского синтеза, религиозной и культурной ситуации региона дало археологическое исследование Тараза, так, добытый в 1927 г. в центре шахристана М.Е. Массоном материал – сотни фрагментов облицовочных терракотовых плиток на замках-усадебках, весьма напоминавших отделку замка, украсившего Аниковское блюдо. Еще более примечательными оказались рельефные изображения виноградных гроздей и листьев, по облику напоминавших отделку парадных помещений Пенджикента и Варахши VI-VIII вв.⁷⁴.

⁶⁶ Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 89.

⁶⁷ Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.

⁶⁸ Байпаков К.М., Терновая Г.А. Сведения о манихейском храме Каялыка // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымент, 2002. С. 33-39.

⁶⁹ Торланбаева К.У. Манихейство в средневековом Таласе // ТУҒАН ӨЛКЕ – РОДНОЙ КРАЙ. Алматы, 2006. № 1(6). С. 41-47.

⁷⁰ Кенжеахметулы Н. Монеты с тюркскими руническими надписями из Китая (в печати).

⁷¹ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971. С. 123.

⁷² Байпаков К.М. Раннесредневековая городская культура Южного Казахстана // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 10.

⁷³ Массон В.М. Тюрко-согдийский синтез как модель развития древних обществ в Центральной Азии // Вестник Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагуна. Бишкек, 2003. Сер. 1. Вып. 1. С. 8.

⁷⁴ Сенигова Т.Н. Основные пути формирования топографии Тараза (V-IX вв.) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1966. № 5. С. 71.

Безусловно, как яркое культурное явление Востока буддизм придал еще большее разнообразие местным культурам и, по-видимому, причастен к синтезу культур. История и культура буддизма в Центральной Азии изучены детально (в значительной степени именно благодаря археологии) однако также имеют белые пятна. Большой вклад в изучение истории буддизма на территории Центральной Азии внесли В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, Л. Р. Кызласов, Л. П. Зяблин, П. Н. Кожемяко, В.Д. Горячева, С.Я. Перегудова, Б.А. Литвинский, Б.Я. Ставиский и другие ученые. Несмотря на то, что в монографии Б.Я. Ставиского очерк истории изучения буддийских памятников назван кратким, в нем упоминаются все основные вехи изучения, а также исследователи, внесшие вклад в открытия памятников буддизма региона, что позволит нам сократить свой ⁷⁵.

Открытие памятников буддизма в Кыргызстане принадлежит А.Н. Бернштаму, который руководил экспедициями в 30-е годы и обследовал Ак-Бешимское, Краснореченское, Новопавловское, Сокулукское и другие в Чуйской долине. В 50-е годы раскопками двух буддийских храмов на Ак-Бешимском городище занимались Л.Р. Кызласов и Л.П. Зяблин. Исследования двух буддийских храмов на Краснореченском городище были продолжены в 60-е годы П.Н. Кожемяко, а в 80 – 90-е годы – В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой. Оба храма были разрушены в VIII в., после чего уже не восстанавливались ⁷⁶. Проникновение же буддизма в Жетысу активно началось со второй половины VII в. и связано с военной экспансией китайцев в Восточный Туркестан и Жетысу ⁷⁷.

Вопросы распространения буддизма в Центральной Азии затронул А.Н. Бернштам, связывавший

появление буддизма в Жетысу с приходом уйгуров, каракитаев ⁷⁸. К похожему выводу приходит и Б.Я. Ставиский, говоря о том, что археологические исследования в Чуйской долине все более ярко выявляют восточное влияние, в то время, как ранее считалось, что эта религия была принесена жителями Согда, Чача и Тохаристана ⁷⁹. Раннесредневековыми данными по буддизму Согда, Чача, Ферганы и Семиречья мы не располагаем, а Тохаристан и Мерв, видимо, являлись тупиковым путем распространения буддизма ⁸⁰.

Часто делаются обобщения: «Историческое развитие после 751 г. пошло в русле постепенного запрещения и прекращения деятельности буддийских общин в Жетысу. И восстанавливается лишь в XVII – XVIII вв., когда школа желтых шапок обращает в свое учение влиятельное лицо и распространяет его на запад». Интересный памятник Каркаралинского района «Кзылкентский дворец» – яркое свидетельство того проникновения ⁸¹, которые не учитывают деталей. Особенности позднего проникновения буддизма содержатся и в обзоре средневековых религий А.К. Акишева: антимусульманская политика джунгар, водимых манчжурами, способствовала проникновению буддизма тибетского (северного) толка и возникновению новых буддийских монастырей в Восточном и Юго-Восточном Казахстане ⁸².

В Восточном Жетысу в раннесредневековый период на культурную ситуацию большее влияние оказывали события в Китае и, возможно в Индии. По крайней мере, с гонениями на буддистов в Китае в 845 г. и чуть ранее в Индии связывает разрушение храмов в Невакете и Суябе В.Д. Горячева, что подтверждается хронологией памятников. Также VII-серединой IX вв. датируются стеллы из этих городов ⁸³.

⁷⁵ Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998. С. 13-22.

⁷⁶ Тентиев Ж.Т., Тентиева А.Ж. Из истории изучения буддийских памятников архитектуры на раннесредневековых городищах северного Кыргызстана // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 29.

⁷⁷ Джусаев К.Д. О китайском влиянии на развитие буддизма в Семиречье // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 124.

⁷⁸ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. // МИА, № 26. М., Л., 1952. С. 151.

⁷⁹ Табалдиев К.Ш. Буддийская плита из Ак-бешима. // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 21.

⁸⁰ Ставиский Б.Я. Была ли Средняя Азия ретранслятором буддизма? // Эрмитажные чтения 1995-1999 гг. Памяти В.Г. Лукониной. С-Пб., С. 18-19.

⁸¹ Турекулова Н.В. Архитектурное исследование археологического памятника «Кзылкентский дворец» Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 136.

⁸² Акишев А.К. Великий шелковый путь – путь миссионеров // Шелковый путь и Казахстан. Алматы, 1999. С. 40.

⁸³ Горячева В.Д. Буддийские стеллы из Суяба и Навеката. // Известия НАН РК. сер. обществ. наук. 2004. № 1. С. 168-170.

Учеными-археологами и искусствоведами исследованы величайшие буддийские памятники: святилище в Саназаре, буддийские статуэтки из Южного Согда, буддийские сюжеты из росписей стен городища древнего Пенджикента. Изучен и исследован буддийский храмовый комплекс у пригорода Кувы (Фергана), буддийские постройки городища Ак-бешим а также буддийско-согдийские религиозные письменные памятники, которых насчитывается около 40⁸⁴.

Не только буддизм из традиционно считающихся восточных религий был представлен в Жетысу. Л.М. Ведутова пересмотрела бронзовый предмет из Шуйской долины как эблему Шивы (индуизм). Предмет относится автором к VII-XI вв. Автор делает вывод о деканонизации уже укоренившихся символов. Процессы адаптации религий к местным реалиям⁸⁵. Можно говорить, что проповедники еще одной восточной религии проповедовали в Жетысу в эпоху религиозной толерантности. Шива – бог растительности и огня мог бы найти благодатную почву здесь. О сильном влиянии индуизма в живописи Пенджикента уже говорилось выше в том смысле, что в искусстве Средней Азии и Индии происходили процессы взаимосвязанные, хотя и не идентичные.⁸⁶ Об активном проникновении индуизма в форме шиваизма в Западный Туркестан в VI-VIII вв. и об общей основе с местными культурами природы писал Л.И. Ремпель⁸⁷.

Религиозная ситуация (феномен) доисламской поры, сложившаяся в Центральной Азии, называется западными исследователями «сплавным котлом». Это было место, где встречались культуры и народы всех сторон света, традиционные культы и верования вплетались в привнесенные буддизм, христианство, манихейство, ислам и наоборот. Процессы адаптации и проникновения отражались на орнаментации, в архитектуре, в учениях, приводили к адаптациям и реформам.

Наиболее сложными проблемами в религиоведении являются процессы взаимодействия разных систем, также выявления региональных черт синкретических религий, например манихейства. О взаимодействиях авестийских религий с христианством и исламом в той или иной степени известно. По-видимому, можно говорить и о взаимодействиях между традиционными религиями региона и буддизмом, который, по-видимому, начал оказывать влияние на местное традиционное мировоззрение вариант авестийской религии ранее христианства.

В 1972 – 1975 гг. в Бухарском оазисе было исследовано многослойное культовое сооружение Сеталак I, функционировавшее в IV – V вв. и в плане представлявшее собой четырехлепестковую розетку. Памятники с подобной же планировкой обнаружены и в Ферганской долине. Обряды Сеталака реконструированы. В центральном сооружении возжигались большие кострища, в которые бросались фрагменты битой посуды и кости мелкого рогатого скота. Кострища перекрывались слоями глины, либо засыпались землей и песком⁸⁸. Как полагали исследователи, сооружения были буддийскими ступами. Подобные же культовые сооружения в виде четырехлепестковых розеток были раскопаны и в Таласской долине (Чольтобе и Кзыл-Кайнартобе), ритуалы имели регулярную повторяемость, а назначение сооружения не менялось за весь период его существования. По нашему мнению, можно говорить о влиянии буддизма, имевшем огромный опыт возведения храмовой архитектуры, на местную храмовую традицию. Исследователь отмечает отклонение центральной оси двух поселений Таласской долины практически совпадает с «отклонением Кой-Крылган-каль»⁸⁹, что обеспечивало «правильную» ориентацию. Два памятника на Таласе являются самыми северными из известных подобных храмовых комплексов.

⁸⁴ Исоматов М. Вклад согдийцев в распространении буддизма и христианства в Центральной Азии (IV – VIII вв.) (историко-историографический аспект) // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 163.

⁸⁵ Ведутова Л.М. Эмблема Шивы из Кыргызстана // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек, 2003. С. 29.

⁸⁶ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепе. М., 1971. С. 107.

⁸⁷ Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987. С. 128.

⁸⁸ Культура Древнебухарского оазиса III-VI вв. н.э. /Под ред. М.И. Филанович. Ташкент, 1983. С. 115

⁸⁹ Лешков Ю.М. К вопросу о датировке и культовой принадлежности раннеземледельческих поселений Таласской долины // Вопросы изучения истории и культурного наследия Казахстана. Алматы, 1998. С. 59.

Изучение тюркских культов, прежде всего шаманства, более всего относится к этнографической области. Первый полный обзор истории исследования вопроса в регионе содержался в отдельной главе в монографии В.Н. Басилова⁹⁰.

К археологическим возможностям изучения вопроса в первую очередь относится погребальный обряд древних тюрков. Исследованиями последнее время занимается, в частности М.Е. Килуновская. В частности, ряды балбалов и сами изваяния связаны с поминально-пиршественными ритуалами, связанные с почитанием умерших предков, через которых осуществлялась связь с божествами и силами природы. Индивидуальность черт каждой скульптуры, похоже, говорит о том, что каждая скульптура ставилась во имя конкретного человека⁹¹. Л.Н.Ермоленко заметила, что в иконографическом облике тюркских изваяний прослеживаются черты согдийского искусства – каноническая пиршественная поза, совмещение бровей и носа в одном рельефе. Вообще научный интерес к древнетюркским каменным изваяниям возник еще в конце XIX в., а сообщение об обычае увековечивать в камне портреты кимаков имеется в известной работе Г. Рубрука: «насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку».

А.М. Досымбаевой была замечена закономерность в расположении тюркских святилищ по регионам. Так в Жетысу характерно расположение ритуальных памятников на высокогорных плато, в тех местах, где изваяние видно издалека⁹². Другая картина в Мерке и Туве, где святилища располагаются в низинах, между холмами, а от каменных оградок отходят ряды каменных балбалов⁹³. Зачастую тюркские ритуальные ком-

плексы сопровождаются наскальными изображениями. Дальнейшие исследования святилищ Мерке и Жайсан привели к выводам о дифференциации: за типологическим... различием скрыта содержательная информация о разных формах управления культов связанная с верованиями средневековых тюрков Жетысу⁹⁴.

По-прежнему актуальной остается типология тюркских изваяний над которой в свое время работали и продолжают работать Я.А. Шер, Л.А. Евтюхова, С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач, Л.А. Евтюхова, Ф.Х. Арсланова, А.А. Чариков⁹⁵, А.Д. Грач, Л.Р. Кызласов, А. Уманский, Ю.С. Худяков, З.С. Самашев, А. Исин⁹⁶. Каменные изваяния древних тюрков напрямую связаны с культом предков, также в них нашли отражение верования, о которых говорят изображения чаш или кубков, птиц, оружия, характерных головных уборов и конечно пояса с подвесными украшениями, сама поза изображенного. Являясь отражением религиозных представлений, изваяния имеют и значительную художественную ценность.

Безусловно, важные черты религий дают нам исследования не только культовых и поминальных архитектурных сооружений, но предметов искусства. В этом смысле нельзя не отметить работы по художественному металлу Б.И. Маршака⁹⁷ и В.П. Даркевича⁹⁸. Б.И. Маршак проследил культурные связи Согда с соседями, развитие школ. В.П. Даркевич, по-нашему мнению, убедительно доказал Семиреченское происхождение двух известных серебряных блюд и упозднил их до IX-X вв. Фрагменты облицовки, аналогичные, изображенным на замке Аниковского блюда обнаружены на Ак-Тепе (Ташкент), в Таразе, Туркестане, на городище Ак-Бешим⁹⁹. Повидимому, традиционно согдийская орнаментика

⁹⁰ Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.

⁹¹ Килуновская М.Е. Горные святилища тюрков в Центральной Азии // Вестник Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагуна. Бишкек, 2003. Сер. 1., вып. 1. С. 108.

⁹² Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз, 2002.

⁹³ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб, 1994. С. 119-120.

⁹⁴ Досымбаева А.М. Монументальное искусство Евразии и их связь с культовыми памятниками казахских степей // Новые исследования по археологии Казахстана. Алматы, 2004. С. 57.

⁹⁵ Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., Л., 1966; Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 24. 1952; Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220-233.

⁹⁶ Исин А. Шынгыстауский комплекс предметов погребально-поминальной обрядности тюркского времени // Новые исследования по археологии Казахстана. Алматы, 2004. С. 60.

⁹⁷ Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971.

⁹⁸ Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., Л., 1976.

⁹⁹ Кызласов Л.Р. Остатки замка VI-VII вв. на городище Ак-Бешим // СА 1958. № 3. С. 152-161.

с включением христианских символов, вместе с тем решенная в согдийской «узорчатой» манере (когда покрывалась вся поверхность изделия или постройки), говорят об определенном влиянии христианства, возможно о синтезе, определенном растворении христианского учения и орнаментации в согдийской культуре когда, «эстетическое чувство берет верх над религиозным переживанием»¹⁰⁰. Регион распространения – Северный Мавераннахр и Южное Жетысу, а также датировки VI-IX вв. очерчивают бытование подобных памятников и подобных характерных элементов городской культуры.

Другим важным источником для реконструкции мировоззрения средневекового периода являются рисунки на тканях. Металл и ткань в значительной мере дополняли и дублировали друг друга. Может быть названо огромное количество памятников торевтики, орнамент которых имитирует узорную парчу, вышивку, аппликацию, расшивку шнуром. Разработкой проблемы занимались А.А. Иерусалимская¹⁰¹, Н.В. Дьяконова¹⁰². В собирательные согдийские сюжеты и орнаменты вплетались новые изменяя характер местного искусства.

По определению Б.Я. Ставиского Центральноеазиатским средневековым цивилизациям предшествовали три другие – ахеменидская, классического старо – восточного типа (середина 6 – 4 вв. до н.э.), восточно – эллинистическая (конец 4 – 1 вв. до н.э.), и кушанская (1- 4 вв.). Каждая имела свои особенности, но согдийская цивилизация была, тем не менее, истинным явлением Центральной Азии¹⁰³.

На сложение материальной и духовной культуры Южного Казахстана в свое время оказали значительное влияние соседние согдийская и хо-

резмийская цивилизации. Б.Я. Ставиский и не только он называл открытие согдийской цивилизации настоящей научной сенсацией¹⁰⁴. В начале XX в. эти следы были обнаружены в Восточном Туркестане («Старые письма» Дунхуана), а в 30-е гг. архив Диваштича на горе Муг. Согдийцы, в первую очередь купцы, но, будучи исповедниками определенной религии, образовывали сообщества, где проповедовали в свою очередь духовные лица сирийского или иранского происхождения. Пример, характеризующий объемы торговли Согда с Китаем, по Мохаммеду Ат-Табари, в 721 г. из Китая на родину вернулись четыреста согдийских купцов¹⁰⁵. Открытие неповторимых памятников хорезмийской цивилизации произошло еще чуть позже. Благодаря энергичной деятельности экспедиции под руководством С.П. Толстова Хорезм известен в литературе в большей мере, чем другие сопредельные области¹⁰⁶. Здесь было раскопано несколько значительных культовых объектов, в частности один из уникальных культовых памятников – Кой-Крылганкала, о котором было высказано мнение как о «храме погребального и астрального культа»¹⁰⁷.

Отдельно необходимо упомянуть работу А.К. Акишева: «Лабиринты Арта Вираза» хронологически наш период затрагивает лишь отчасти, поскольку речь идет о (поздне)зороастрийском сочинении. В работе приводится текст, и отчасти характеризуется религиозная ситуация в Сасанидском Иране, особенно ценна своими комментариями¹⁰⁸.

Средневековая культура юга Казахстана не только хронологически вышла из Кангюйской цивилизации оставившей после себя яркую культуру, отличавшуюся от соседних владений. На этапе раннего средневековья (видимо VI-VII вв.)

¹⁰⁰ Ремпель Л.И. Эпос в живописи Средней Азии // Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство. Ташкент, 1984. С. 35.

¹⁰¹ Иерусалимская А.А. «Челябинская» ткань (к вопросу о постсасанидских шелках) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Культура и искусство народов Востока. № 7. Л., 1969. С. 98-109.

¹⁰² Дьяконова Н.В. «Сасанидские» ткани // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Культура и искусство народов Востока. № 7. Л., 1969. С. 81-98.

¹⁰³ Ставиский Б.Я. Еще раз относительно особенностей согдийской цивилизации 4-10 вв. // <http://www.transoxiana.org>

¹⁰⁴ Ставиский Б.Я. Открытие согдийской цивилизации IV - IX веков и ее характерные особенности // Древности Востока / Сб. статей под ред. И.Л. Кызласова. М., 2003. С. 38-49.

¹⁰⁵ Якубовский А.Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 18.

¹⁰⁶ Массон В.М. Страна тысячи городов. М., 1966. С. 144.

¹⁰⁷ Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. / Отв. ред. С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг. М., 1967.

¹⁰⁸ Акишев А.К. Лабиринты Арта Вираза // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана. 2003. С. 219-260.

здесь складывался оседло-кочевнический союз, который может быть назван тюрко-кангюйским – печенежским или кангарским. К.М. Байпаков пишет о формировании политического образования кангаров (кенгересов) в VIII в. (также и об общности этнонимов «печенег» и «кангар») ¹⁰⁹. Несмотря на определенную независимость средневековых политических владений, все же необходимо отметить общность культуры регионов Среднего Востока, черпавшей истоки в «седой традиции». В раннее средневековье, по всему Среднему Востоку возводятся храмы огня и других традиционных культов: предков, плодородия, архитектура которых нестрога, но по основным параметрам подчинена определенному канону. Храмы обычно включали крупные прямоугольные центральные залы с большим круглым или прямоугольным очагом, также отдельную комнату, для хранения огня ¹¹⁰. В раннесредневековых источниках храмы огня упоминались в Бухаре, Самарканде, Рамитане. Археологические исследования выявили специальные культовые сооружения для огня на Джанбаскале, Топраккале ¹¹¹ в Хорезме. В Фергане также открыто несколько подобных же храмов (в Касане, Гайраттепе, Майдатепе и датируются IV -VIII вв.) ¹¹². Вопросами реконструкций обрядов доисламских культов Южного Казахстана очень плодотворно занимается Г.А. Терновья ¹¹³. Во множестве найдены личные, небольших размеров идола в частности на могильнике Ташрават. По источникам, родовым или племенным идолам раз в год приносили в жертвы различных животных, потом совершалась коллективная трапеза. У Бичурина

есть упоминания, что место, где находился храм, – «владения Цао» – Кангюя.

Таким образом, все традиционные доисламские культы концентрировались вокруг культов огня, предков, животных, идолопоклонничества, астральных.

Одним из наиболее изученных сторон культов оказался погребальный обряд, как один из наиболее ярких и доступных для изучения археологических источников. Погребальный обряд отражает веру в загробное существование, веру в бессмертие души, дает представление о культе мертвых и культе предков ¹¹⁴. Археологические исследования региона Тараза постоянно приносили результаты, в частности по культам авестийской религии, их погребальному обряду. Как писал Г.И. Пацевич первая, зафиксированная в литературе находка оссуария в Аулие-Ате относится к 1904 г. когда было обнаружено несколько больших сосудов и один оссуарий с выпуклой крышкой в форме вытянутой юрты. Случались находки погребальных сосудов и в 30-е гг., а в 1939 г. Г.И. Пацевичем было заложено около десятка небольших раскопов на горном массиве Тик-Турмаса, в результате чего появились две версии различия погребальных сосудов – социальное расслоение и разница в хронологии, решение предоставлялось будущим исследователям ¹¹⁵.

Над ранним этапом погребального культа, его происхождением и развитием плодотворно работал Л.А. Лелеков ¹¹⁶, над поздним ученые в составе Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова ¹¹⁷, в частности, Ю.А. Рапопорт ¹¹⁸,

¹⁰⁹ Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы, 2005. С. 55-56.

¹¹⁰ Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 103.

¹¹¹ Топрак-кала. Дворец / Под ред. Ю.А. Рапопорта, Е.Е. Неразик. М., 1984. С. 288.

¹¹² Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 103.

¹¹³ См. напр.: Терновья Г.А. Реконструкция некоторых обрядов по археологическим материалам городища Куйрыктобе (вторая половина VII- первая половина IX вв.) // Известия НАН РК Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 169-182. В последнее время вышла обобщающая монография Байпаков К.М., Терновья Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005.

¹¹⁴ Брыкина Г.А. Погребальные сооружения и обряды Ферганы I тысячелетия н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура М., 2001. С. 102.

¹¹⁵ Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмаса (г. Джамбул) (отчет о рекогносцировке 1939 года) // Известия АН КазССР. 1948. Сер. археологическая. Вып. 1. С. 98-104.

¹¹⁶ Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 12.

¹¹⁷ Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э., под ред. С.П. Толстова, Б.И. Вайнберг // ТХАЭЭ. М., 1967; Топрак-кала. Дворец / Под ред. Ю.А. Рапопорта, Е.Е. Неразик. М., 1984; Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / под общей редакцией С.П. Толстова и др.

¹¹⁸ Рапопорт Ю.А. Хорезмийские астаданы (К истории религии Хорезма) // СЭ. 1962. № 4 и более поздние работы.

на новом этапе развитие изучения проблемы подведен Б.И. Вайнберг¹¹⁹. Тесные связи Парфии с Хорезмом были прослежены исследователем на археологическом материале, который свидетельствует и о религиозной реформе в Хорезме не позднее I в. н.э., сопровождавшаяся распространением зороастрийских норм и правил¹²⁰. Перемены в соседнем Хорезме, чуть позже, по-видимому, отразились и на культуре соседнего кангуйского государства. Погребальный обряд Южного Казахстана и Семиречья по результатам многолетних раскопок освещен в трудах Е.А. Смагулова¹²¹, В.Д. Горячевой¹²², К.М. Байпакова и А.А. Ержигитовой¹²³.

Одними из наиболее сложных остаются вопросы археологического религиоведения связанные с проникновением ислама и о сохранении доисламских верований. Первая соборная мечеть в Бухаре была выстроена Кутейбой в 94/712-13 г.; в 154/771 г. построили вторую, хотя в это время жители большей частью еще были неверными. Господство ислама во всей Трансоксании началось во всяком случае не раньше окончательного покорения страны арабами; а это, произошло только около половины IX в. Уже для этого периода мы имеем мусульманские известия о христианстве в Трансоксании. Ан-Недим приводит слова одного «достоверного свидетеля», по которым жители Согдианы были дуалистами и христианами (очень возможно, что после завоевания Самарканда арабами аристократы, не желавшие принять ислам, выселились и основали особое поселение; то же самое произошло в Бухаре)¹²⁴. Новые исследования вопросов о центрах согдийской жизни после исламизации Самарканда и Бухары свидетельствуют о их переносе сначала в Нахшаб – столицу Южного Согда, а за-

тем, после захвата его арабами в Насаф – столицу средневекового кашкадарьинского Согда, что случилось, по мнению автора после антиарабского восстания 737 г., которым руководил тюркский хакан¹²⁵.

Практически всеми исследователями отмечается значительное влияние доисламской культуры, поминальной архитектуры на раннеисламские мавзолеи, относительно их планировки: крестово-купольной, квадрата, вписанного в круг и т.д. Последние исследования домусульманского погребального обряда, наводят на мысль о том, что архитектура мавзолеев раннемусульманского периода вышла из местной же архитектуры погребальных сооружений – наусов (планы домусульманских погребений стали известны после реконструкции архитектора С. Хмельницкого)¹²⁶. Считается, что с IX в. в регионе в строительстве широко стал применяться жженный кирпич. Сооружения стали отделяться сложным геометрическим и иным орнаментом, канонизированным новой религией. Наверно именно поэтому признанный шедевром архитектуры мавзолеев, каноном пропорций является один из самых ранних подобных сооружений – мавзолеем Саманидов. Судя по всему каноны, формы, стиль, вкус погребальной архитектуры уже были развиты к моменту арабского завоевания. Погребальный обряд изменился, меняется и ориентация мавзолеев. Исследование вопроса занимались в частности многие архитекторы¹²⁷. Известно, что именно богатые путем внесения налога дольше сопротивлялись принятию ислама, однако сумели сохранить привычный облик дома мертвых. Нарушение канона возведением первого мавзолея над могилой халифов – духовных правителей огромной империи, видимо послужило примером

¹¹⁹ Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-80-х гг. // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М., 1991. С. 30-35.

¹²⁰ Вайнберг Б.И. Хорезмийская эра // Древние цивилизации Евразии. М., 2001. С. 136-141.

¹²¹ Смагулов Е.А. К реконструкции погребального обряда Южного Казахстана раннесредневековой эпохи // Новые исследования по археологии Казахстана. «Маргулановские чтения – 15». Алматы 2004.

¹²² Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

¹²³ Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы. 2005.

¹²⁴ Бартольд В.В. О христианстве ... С. 274.

¹²⁵ Камолитдин Ш.С. Из истории домусульманских культов Средней Азии // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. 100-летию рождения А.М. Беленицкого. СПб. 2005.

¹²⁶ Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Берлин – Рига. 2000.

¹²⁷ Например: Воронина В.Л. Ислам и архитектура (на примере Средней Азии) // Архитектурное наследие. № 32. М., 1984. С. 157-163; Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980; и многие другие исследователи, в том числе и западные и исламских стран.

для возведения мавзолеев повсюду, шагом в строю традиционных обрядов и архитектурным примером могли стать наземные погребальные сооружения домусульманской поры наусы.

Наиболее интересным периодом раннего средневековья и давшим для общечеловеческой цивилизации была эпоха мусульманского ренессанса, предшествовавшая европейской эпохе Возрождения. Особенно ценным в культурном плане это объединение происходило на позднем этапе распространения на мирной основе. Позитивная роль новой культуры в том, что она в значительной мере вобрала (объединила и примирила) многообразные и далеко не всегда однозначные культы, чего не удавалось не одной другой мировой религии (буддизму или христианству) до этого.

После первичного завоевания Присырдарьинского региона арабами и разрушения или запустения культовых центров. Традиционная культура, обряды и т.д., сопровождавшие издревле человека всю его жизнь не могли быть переключены автоматически, и основная масса населения не могла сняться с насиженных мест в отличие от монахов-проповедников. Традиционная религия предков переходит в неофициальное положение, но продолжает оказывать значительное влияние. Ислам же, в свою очередь вынужден адаптироваться к древней местной культуре. На этой основе зарождается вариант ислама – суфизм.

Попытка проследить местные доисламские культы, вошедшие в состав локального ислама, была предпринята Б.Т. Туякбаевой. Новая религия пересматривает старую со своих позиций и наверно не может ответить на все вопросы абсолютно по-новому. В орнаментации культового комплекса был применен различный декор, в частности, предисламские верования, по мнению автора, были прослежены в спиральях-волнотах, к которых воплотились представления о перевоплощении душ в природе (культ предков и плодородия), что также проявлялось и в цветовой сим-

волике: темно-синий цвет начальных букв может свидетельствовать об изначальности воды в круговороте, бирюзовый цвет средних букв указывает на движение животворной силы, а темно-синий последний последних на возвращение к воде¹²⁸. Цветочный и растительный орнамент, наряду геометрическим одними из первых вошли в утвержденные исламом для изображения на культовых предметах и сооружениях, имевшим древнее широкое распространение.

Не можем обойти, в этой связи, вниманием и известную теоретическую работу О.Г. Большакова¹²⁹ (первую русскоязычную на эту тему) в которой автор восстанавливает хронологию постепенного запрещения изобразительного искусства в исламе, выявленного и по археологическим материалам*, лишь в конце VIII – нач. IX в., когда формировались основные сборники хадисов, осуждение изображений становится господствующим. По нашему мнению причиной (основной ?) могла стать концепция десакрализации искусства и, тем самым, отвода общественного сознания от глубинного содержания религии, уловленная теоретиками ислама и недопущенная в ренессансе на Востоке и так наглядно проявившийся в ренессансе на Западе.

Во дворцах, богатых домах доисламской поры старались органично представить формы и приемы архитектурной декорации: скульптура, живопись и орнамент. Особенное отношение при резьбе по ганчу было к «ковровым» орнаментам, а также к голубому и красному цветам, посредством чего мастера стремились передать ощущение атмосферы живописи¹³⁰.

Архитектура и орнаментация культовых сооружений – лишь одна составляющая, по которой можно проследить доисламские верования. Непосредственно «религиозным пережиткам» доисламской поры, выявленным по этнографическим материалам посвятили работы О.А. Су-

¹²⁸ Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного Ахмеда Ясави. Алма-Ата, 1989.

¹²⁹ Большаков О.Г. Ислам и изобразительное искусство // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Культура и искусство народов Востока. 7. Л., 1969. С. 142-156.

* Раскопанная в 1889 г. омеядская баня Кусейр Амра VIII в. содержала великолепные росписи людей и животных в реалистической манере.

¹³⁰ Алтаткина Т.Г. Цветочный орнамент в ганчевом декоре дворца Варахши // Материальная культура Востока Вып. 4. М., 2005. С. 87-100.

харева¹³¹, Е.М. Пещерева¹³², Снесарев Г.П.¹³³, Башилов В.Н.¹³⁴ Одна из мыслей В.Н. Башилова, в какой-то мере, подходит к теме статьи: «Археолог имеет дело с неживыми остатками минувших эпох, «с тенями прошлого», как любят говорить авторы популярных очерков; этнограф же иногда видит эти тени прошлого во плоти – он беседует с людьми, сохранившими убеждения и предрассудки глубокой древности... духовный мир людей, давно исчезнувших с лица земли, археологу почти недоступен..., если под древними рисунками или на культовых предметах нет надписей, этнограф в другом положении... это может показаться странным, но многие воззрения и обряды давно минувших эпох сумели пережить исчезнувшие культуры»¹³⁵.

История научного изучения истории региона насчитывает около полутора столетий и продолжает притягивать к себе новых исследователей. В последнее время отмечается значительное единство в деле изучения традиционных культов тюркских племен и восточно-иранских племен и в частности культурное единство народов тюрко-согдийского доисламского мира¹³⁶. Значительную актуальность приобрели вопросы распространения ислама в землях Южного Казахстана, хронологии и особенностей этого процесса для решения, которого многое было сделано археологическими исследованиями и работами

К.М. Байпакова, Е.А. Смагулова и другими отечественными и зарубежными учеными. Длительный и сложный процесс проникновения ис-

лама в регион крайне слабо отражен в источниках, и археологические исследования имеют очень важное значение в вопросе. В последнее время, имеются достижения в исследовании и других религий, в частности традиционных, где нельзя не отметить работы Г.А. Терновой¹³⁷, А.М. Досымбаевой¹³⁸. Также появилась работа В. Кольченко¹³⁹, ценной, главным образом, перечислением известных христианских памятников всего региона (бывшей Средней Азии, особенно Чуйской долины – духовного центра христиан), в том числе храмов Семиречья на Ак-Бешиме, раскопанных Л.Р. Кызласовым¹⁴⁰ и Г.Л. Семеновым¹⁴¹. Стало известно о храме-монастыре Коштепа (VI-VII вв.), архитектура и планировка которого находит общее с пещерным монастырем близ Айваджа (Южный Таджикистан), другими памятниками, как церкви Хароба Кошук, Ак-бешимские находят аналогии с церквями Сирии и Ирана^{142*}.

Богатая духовная культура населения региона в средние века по-прежнему привлекает ученых разных стран и разных научных дисциплин при значительных успехах казахстанской археологической школы.

Резюме

Мақалада Оңтүстік Қазақстан аумағының ортағасырдағы рухани мәдениетін зерттеу тарихы берілген.

Summary

In the article the brief review of the main events in the study of spiritual culture of region of Southern Kazakhstan is given.

¹³¹ Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент. 1969.

¹³² Напр.: Пещерева Е.М. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник. М., 1963.

¹³³ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

¹³⁴ Напр.: Башилов В.Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

¹³⁵ Башилов В.Н. Ташмат-бола // СЭ. 1975, № 5. С. 113.

¹³⁶ Голь Э.Ф. К проблеме тюрко-согдийского культурного симбиоза // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. СПб. 2005. С. 75-78.

¹³⁷ Терновая Г.А. К вопросу о храмовой архитектуре и обрядовой практике жителей Южного Казахстана (храм VI-VIII вв. на цитадели городища Баба-Ата) (в печати).

¹³⁸ Досымбаева А.М. Традиционная модель Тюркского каганата в культовом искусстве Евразии (в печати).

¹³⁹ Кольченко В.А. Заметки о христианстве в Чуйской долине в средние века // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек. 2003. С. 53-72.

¹⁴⁰ Кызласов Л.Р. Археологические исследования на Ак-Бешиме в 1953-1954 гг. // Тр. КиргАЭЭ. Т. 2, М., 1959.

¹⁴¹ Семенов Г.Л. Раскопки 1996-1998 гг. // Суяб Ак-Бешим. СПб. 2002. С. 45-114.

¹⁴² Раимкулов А.А. Христианский храм-монастырь Коштепа в Нахшабе: среднеазиатские и западные параллели // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию Ю.Ф. Бурякова. Самарканд. 2004. С. 123-129.

* Объем статьи не позволил осветить значительное число проблем, в частности, в христианской части – его символика: Терновая Г.А. Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН РК Сер. обществ. наук. 2004, № 1. С. 176-193, и работы: Ротт Ф.Г. Кресты и их фрагменты из Юго-Восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек. 2005, № 1. С. 44-51 и требуют дальнейших усилий.